

Принесите вина получше, сполосните стаканы, постелите скатерть, прогоните собак, раздуйте огонь, зажгите свечи, затворите дверь, нарежьте хлеба!

Ф. Рабле

Баланс белого

Лишь любовь к государственной планиметрии облекала его в многогранность ответственного поста.

А. Белый

Любовь нашла Митеньку в осеннем лесу, в укромном уголке Лосиного Острова.

Той промозглой осенью Митенька вырвался на волю. Он убегал от прошлой жизни, чужой смерти, плохой мести и предательства богов. Достаточный список, чтобы нестись галопом по неизвестной земле, ошелев от свободы.

Но сбились крестом лесные тропы. Седые угли в его груди вдруг налились кровью, обросли мясом — и сердце появилось, услышав сердце.

Она нашла его.

Протянула белую руку сквозь завесу дождя, простила в сумерках подол синего платья. Ее присутствие стало повелением, она заговорила с Митенькой без слов — от сердца к сердцу, — и Митенька потерял голову.

У нее были эбеновые волосы, белая кожа, алые губы.

Она была из другой сказки.

Одни дети звали ее *Sneewittchen*, другие — Белоснежка; Митенька когда-то слышал о Белой Ведьме... Неважно — подол ударил колоколом, взвились белые ноги, впиваясь в его бока. Появился путь, и четыре копыта ударили в чужую землю; все в этих краях было чужое, только Белая Ведьма — своя.

Эбеновые волосы падали ему на шею. Алые губы молчали за его ухом.

Но она говорила — ее присутствие было движением и смыслом.

Это была только их сказка, пока они не выбрались к дому.

Дом вырос в самом центре страны посреди безлюдного пространства и холода. Здесь всегда была зима, и Митенька этому не удивился. Белая Ведьма обязана жить в таком месте. В одиноком доме посреди пустоши должны были жить и люди, но людьми здесь не пахло. Рядом с домом была высокая изгородь, а за домом коптила труба котельной. Она направила его за ограду, спрыгнула, стоило ему войти, и заперла за собой.

Белая Ведьма ушла не оглянувшись.

Вместо нее на Митеньку иногда приходили поглазеть *сотрудники*.

Порой за ним наблюдала чудовищная птица, парящая в небесах в оцепеневые дни. Кормил Митеньку местный пекарь — безразличный ко всему белоголовый великан. Он подносил хлеб забвения, от которого Митенька делался вялым и свыкался со своим положением.

Белая Ведьма теперь выходила из дома, чтобы приворожить других зверей. Легкая поступь, следы на снегу, стройная фигура в платье, а сверху домашний трогательный свитер крупной вязки... Она протягивала руку к лесу ладонью вверх. От ее зова не было защиты: к дому выходили лоси и волки, рыси и медведи, глухари и куропатки... Белая Ведьма всех приглашала в дом, на кухню. Звери покорно топали по ступеням бокового крыльца. Там она пускала им кровь, подвешивала над тазами, потрошила тушки, резала мясо, жарила и варила.

Это требовалось, чтобы накормить *сотрудников* и прочий ресурс.

Митеньку нельзя было кушать, потому что он — единственный в своем роде. Среди людей ему не место; фотоловушки в заповедниках запечатлеют его и только взбаламутят

человеческий ум, а в НИИ его не поймут. Умереть ему не дадут, но и жить вольно — тоже.

Хорошо, что есть такой дом.

В дом приводят таких, как Митенька.

Любовь его стала томлением, потом — тревогой и маетой. Позже он понял, что снова находится в аду.

Она появлялась пару раз в неделю. От нее исходил зов к другим зверям, но никогда больше она не обращалась к Митеньке, не смотрела на него, сколько бы он ни был копытом, ни был в грудь, ни пытался ломать изгородь, ни стоял к ней задом, изображая презрение, ни ревел на всю округу.

Даже пекарь, что кормил его хлебами... Однажды Митенька вознамерился убить пекаря — лишь бы сделать хоть что-нибудь. Когда великан отпер калитку, Митенька ударил его в грудь. Любой смертный муж не пережил бы этого... Но пекарь лишь упал, потом поднялся, обернулся хлеб полотенцем, собрал обратно на жостовский поднос, пошел в дом, и хлопья снега спадали с его косоворотки и льняных штанин. Митенька так и не убежал. Больше он не мог ничего.

Зима стерла время.

Белое выжгло глаза.

Но ничто на земле не проходит бесследно. И Митеньку скрыть от людей все же не вышло. Ад Митеньки стал сном о прошлой жизни и ослепительной любви, сон полетел ветром и туманом, вечной сыростью, шорохом и тенью — во все концы света.

И приснился одному молодому человеку из большого города.

* * *

Мутное утро Петербурга разгуделось машинами.

Ранние пешеходы давно утрамбовали ночной легкий снег, у метро он превратился в жижу. Первые этажи новостроек в Озерах с их кофейнями и пекарнями горели посадочной полосой для сонных питерцев. Ударная волна гриппа никак

не повлияла на уличное движение. Пробки поднялись до семи баллов. Люди толкались задолго до входа в вестибюль.

Уже день с трудом вступал в свои права, не отличаясь от утра: солнце не показывалось неделю. Свят дремал в беспрерывной тревоге, проснулся сам для себя незаметно. Светил неопределенный кусок облачности из незашторенных окон. Белое одеяло лежало на Святе толстым слоем снега.

«Начало — трудная пора». — И Свят заставил себя подняться, хотя бы чтоб дойти до айфона.

За спиной его, над кроватью, горело люминофором кредо (Вика подарила и повесила):

Искать, добыть красоту — и поделиться.

Сонный молодой фотограф на ищущего красоты еще не походил.

Вид из спальни съемной однокомнатной квартиры открывался на новый жилой комплекс на проспекте Луначарского — в форме восьмерки. Дом этот за годы студенчества (спасибо родителям, обеспечили жильем и деньгами, но со второго курса Свят сам зарабатывал, фотоаппаратом) он до дыр зафотографировал во все сезоны в закатах, рассветах и громах с молниями.

Ближе и ниже стояла больница № 2 — конструктивистский панельный угол с еле заметным намеком на изящество в плавных линиях балконов. Суровый дом. А еще суровее — двухэтажное здание морга при больнице, у которого Свят втихую и деликатно пытался делать снимки, издали — телевиком, для себя, в стол, отчаянно и мерзко ощущая аморальность подглядывания.

В морг входили и выходили люди в черном. Были каталки, урны, скорбь и слезы, медики в белых халатах курили, пьяные темные люди толковали у кафе для поминок... Снимать все это получалось плохо. Свят не без оснований решил: не оттого, что он бездарность (хотя, изучая работы мастеров и призеров мировых конкурсов, сильно сомневался в себе), а плохо получается, потому что нельзя сюда смотреть, по крайней мере ему.

Поблизости чадила труба котельной. Святу напоминала о новостном штампе из телика про «устойчивое развитие». Устойчивое развитие. Ну, коптим дальше... Что там в телефоне?

Первая эсэмэска в 06:40: «Мы приедем на полчаса раньше, чтобы загримироваться, это если что!» Ага, мамаша одна отписалась. Свят договорился снимать ее с дочерью в 11:45 в студии на Петроградке. У скромной малышки три годика, планируется утомительная ламповая фотосерия с кучей детского реквизита. А Свят еще в душ не попал.

Вторая эсэмэска, незнакомый номер... Тут сердце забилось чаще, потому что такого текста не ожидал.

Поддержите нашу инициативу: президент должен быть безносым! Подобное решение исключает любые попытки водить президента за нос как пальцами недобросовестных элит, так и пальцами “уважаемых партнеров”. Безносость так же положительно влияет на служебную представительность, ибо нос человека — средоточие его личной индивидуальности, а президент прежде всего народное достояние. Наконец, лишиться носа на входе в должность — это жертвенность и серьезность намерений...

Чтобы поддержать нашу инициативу, ответьте “1”; при отказе — игнорируйте сообщение.

Бред какой-то...

Спамеры совсем офигели. Тролли какие-то... Хотя забавно, впрочем, и не такую чушь ему слали в запрещенных Роскомнадзором соцсетях.

Свят — только для мамы он был полный торжественный Святослав — почесал макушку.

Стекло айфона влепилось, удержало, притянуло его взгляд. Палец рефлекторно побежал по иконкам приложений... Кстати! Он же собирался прилепить цветочный «пацифик» к аватарке. Свят против насилия, это косметический, необязательный жест,

ясное дело. А может быть, это изменит его жизнь навсегда. Жизнь прекрасна и удивительна.

Возможно, череда неприятных событий ударит сегодня по Святу только потому, что он упорно пытался обновить аватарку пацификом.

Попеременно подвисало то приложение соцсети, то врп-сервер. «Когда мы будем ходить с виртлинзой в глазах вместо смартфона, с вечнодополненной реальностью, — подумал Свят, — буду ли я видеть маркировку над людьми? Если государства отойдут на второй план, а их функции возьмут на себя корпорации... А я, допустим, буду с привилегией, менеджер среднего звена с отработанным столбиком социальных баллов, буду ли я видеть значок-уведомление нимбом над пешеходом? "Банкрот", "92 административки", "мигрант-разнорабочий", "шиит", "холерик с сезонной тревожностью"... А отсюда алгоритмы рекомендаций, индикаторы настроений, костыли удобств... Если мне не предоставит эту привилегию корпорация, взломает ли нужные базы какой-нибудь мой бот?..»

Свят давно обдумывал подобную серию фотоколлажей. Невидимый «Глаз Бога» рисует над каждым человечком его подноготную. Только умом понимал: неплохо бы окунуться в научную фантастику, чтобы не собирать велосипед или хотя бы донести идеи мастодонтов проще, ближе к народу...

Пол ходил ступни. Но встать с кровати, разогнуться из сонной сутулости еще невмоготу.

Свят крепил к своему фото затасканный и малодушный этот пацифик, встроенное в редактор logo, жал на кнопку «принять» и тут же получал профиль без изменений. Свят проявил своеобразное ему упорство, повторил операцию над аватаркой раз двадцать.

«Ну вот, теперь я еще больше клише». Даже иронично вышло: значок закрывает намечающуюся, несмотря на юный возраст, залысину. Она будто подтверждала основательность Свята. Остальное было в порядке, в чебэ: волевой подбородок, глубоко посаженные серьезные глаза, крупный нос. Кашемировый шарф

французским узлом. Богемности добавляла и прядь, зачесанная за ухо. Прядь приходилось удобрять голландской помадой на водной основе, каждый раз при покупке вздыхая, что помада дорожает вдвое против довоенной цены.

«Давай же, надо стартовать, в темпе, в темпе!...»

И только тогда он вышел из съемной квартиры и, торопясь, зашагал к метро, понимая, что, приехав в студию, будет еще расставлять свет, вешать фон и начнет сессию позже намеченного и клиент — мамаша эта бодрая, как под экстази*, будет менять сорок поз в минуту, а ребенок потупит глаза, и надуется, и закуксится, — конечно, попрекнет легким опозданием. Святу придется сорвать про пробки. Хотя при чем тут пробки, машины у него нет. Но в его твердых планах было заработать на тачку через год максимум.

К своим двадцати трем годам Свят работал и вторым фотографом на свадьбах, устраивал фотосессии в студиях знакомых, участвовал в фотоэкспедициях, немало вкладывался в блог уличной фотографии. В студенчестве, учась в университете культуры и телекоммуникаций, он локально прославился в соцсетях и пи-терских конкурсах пейзажными фото из разных уголков страны.

Благо отец Свята любил путешествовать.

До сорока пяти он работал геологом, а потом резко сменил деятельность, открыв в Тюмени компанию, занимающуюся перетяжкой и отделкой салонов люксовых и бизнес-авто. Это дело резко подняло благосостояние семьи в тучные годы, а теперь, с приходом санкций и падением курса рубля, рост доходов, скажем, удерживался около нуля либо рос отрицательно...

Свят повидал родные края.

Именно за концептуальное многозначительное чебэ про лосей и сосны на Байкале, за громаду Братской ГЭС и излучины Ангары, запечатленные с парящей траектории квадрокоптера да в наплывающем дыме летних пожаров, Свят получил членство в «Гильдии молодых фотографов России при Ассоциации

* Является наркотическим веществом и запрещен на территории РФ.

чего-то там бла-бла». Он сам не мог это выговорить. Известная эта Гильдия, президент которой не преминул сравнить свое детище со сколковским научным лагерем (молодые изобретатели) и форумом «Липки» (молодые писатели).

Там проводилось немало лекций и семинаров для молодежи от мастеров фотоискусства. Благодаря Гильдии можно было почти за казенный счет попутешествовать для заказанной фотосессии. Еще и получить аккредитацию на поп- или симфонический концерт для репортажной съемки.

Однако последним устремлением Свята был полет в Красноярский край.

Неоправданно дорогое, далеко не продуктивное, истинно зимнее путешествие. И связи в Гильдии припести не удалось: Свят готовил свой кошелек. Место, куда он собирался тайно, было, можно сказать, секретным и даже сакральным, что ли. Пусть о нем почти никто не знал и вес оно имело, пожалуй, символический... Тур Свят забронировал неделю назад на сайте туроператора «Сибирский дервиш».

При первом звонке его убедили, разумеется, рассчитывать на сумму вдвое большую. Потому что к месту реально долететь лишь на вертолете, вообще вы будете в составе группы, и за час полетного времени берем примерно пятьдесят тысяч рублей с лица... Тут Свят и засомневался.

И сейчас, когда он изо всех сил спешил на съемку, не находя ключи от квартиры и пачкая ботинками прихожую, сомнения насчет путешествия надлежало разрешить. Ему звонил менеджер с напоминанием.

— Але?

— Здравствуйте, это «Сибирский дервиш». У вас сегодня последний день брони на тур к озеру Виви.

— Помню, да.

— Вы определились с участием?

— Я...

И тут Свят задумался. Деньги немалые. За эти деньги можно взять ультра ол инклузив в Доминикане, с Викой, на две недели.

А озеро Виви... Ведь это очень своеобразная Сибирь.

Редколесье там неживописное, судя по немногим доступным фотографиям из интернета. Северного сияния в метель не дождешься, а прогноз погоды как раз обещал «интенсивное воздействие циклона». Само озеро Виви любопытно формой, глубиной и редкой рыбой, но — и Свят знал себя — на его зимнем фото при его способностях оно все равно выйдет один в один как Ладога или Чудское. Те же Сузdalские озера, что в пяти километрах от Свята, он может сфоткать так банально, что сойдет за Сибирь. В лютый мороз (а обещают чуть ли не минус сорок при плохом раскладе) вряд ли захочется бурить лунки и рыбачить. Хотя, как он понял, вся тургруппа именно на тайменя и хариуса туда метила. По возможности будет и прогулка на плато Путорана, только «прогулка» не совсем то слово...

А Сердце Родины, как обмолвился туроператор, просто прилагалось к недельной рыбалке дополнительной опцией.

Да... Сердце Родины.

Вот это действительно важно, в этом что-то было.

Географический центр России, впервые рассчитанный по формуле доктора технических наук и члена географического общества Петра Бакута. Располагается на юго-восточном берегу озера Виви. Причем в СССР это была одна точка, для России — другая. После Крыма — еще раз сместились... да и теперь... Там установлена памятная стела, деревянная часовня в честь Сергия Радонежского, восьмиметровый православный крест. Стелу увенчивает двуглавый гербовый орел. На табличке указано: Центр Российской Федерации — девяносто четыре градуса и пятнадцать минут восточной долготы, шестьдесят шесть градусов и двадцать пять минут северной широты.

Центр России — официальная точка на карте.

Там очень пусто. При всей символической нагрузке — вокруг одна тайга и что-то вроде туристической базы, пара домиков, большую часть времени заброшенных, для редких охочих путешественников. Что летом, что зимой — труднодоступная глушь. Вокруг горы эти спящие, как же их?.. Столовые, во!

Какие-то фанатики из Норильска тыщу с чем-то километров по рекам и озерам на снегоходах преодолевали, на волокушах по семьсот килограммов тащили (топливо, палатки, еда, печки и бог знает что еще), лишь бы попасть на озеро Виви и смыть уехать. Летом куда легче: энтузиасты терпят таежный гнус, плывут на скоростных катерах шестьсот километров от поселка Тура по речкам Нижняя Тунгуска и Виви к этому озеру. Еще можно лететь вертолетом. Очень быстро, очень дорого.

Свят выбрал вертолет.

С отцом он, конечно, ходил по неделям в лесах Алтая, Коми, Карелии. Свят мог вытерпеть многие трудности, но комаров ненавидел. Кровь в этом отношении была у него самая деликатесная, а монотонный, то приближающийся, то удаляющийся писк действовал поразительно удручающее на нервную систему.

Будто уловив смутные мысли абонента, менеджер ласково пропел:

— Сегодня мы еще дарим персональную скидку на тур семь процентов. Но в декабре стоимость уже поднимется. А условия пребывания станут как бы... более жесткими...

В зимний пик там будет и минус пятьдесят.

«Опаздываю, плохо... Но следующей зимой я туда уже не выберусь, столько заказов... А через год? Кто знает, что с миром будет через год? К тому же Алексенко и Карпович звали нас с Викой в Сербию... А летом? И дешевле катерами, гораздо дешевле... Но меня сожрут в тайге комары, а как они мерзко и беспрерывно пищат... Очень плохо... Все же сейчас?.. Так круто, там так дико и свободно по сравнению с Петербургом. Рай для городской крысы, мозги очищатся!»

— Я готов, — вздохнул Свят. — Оплату по ссылке можно?

— Прилетит эсэмэс! — возликовал менеджер. — Благодарим вас за выбор и приятного отдыха!

«Все — правильно — я — сделал, — твердил себе Свят, чеканя мысленное слово на каждый шаг, — если хочешь — не откладывай. Иначе будешь жалеть всю жизнь, и ныть,

и грустить. Так батя учил. Пусть дорого, пусть неудобно... зато об этом мало кто знает, а уж побывали в *центре* считаные сотни. По сравнению с Эвенкией, можно сказать, тот же ХМАО исхожен вдоль и поперек. Там в поисках легкого золота только так авантюристы шуривают... Давай! Ты сам кимберлитовую трубку в Мирном сфотографировал еще в девятнадцатом, ты был в Якутии, ты был на Дальнем Востоке... Нет, все правильно, не ной, будет круто...»

Выйдя из Учебного переулка, Свят спортивной ходьбой, орудуя локтями, понесся к проспекту Энгельса.

Приставучий айфон снова пропел вызов. Нельзя игнорировать — мамашка та оплатила фотосессию за две недели вперед. Лишь бы Свят забронировал именно эту студию в творческом кластере: с купидонами, гномами, елкой и рождественским реквизитом...

Сунул руку в карман, на ощупь ткнул пальцем, поднял к уху. И опешил, когда услышал Андрея Палыча. Звонил куратор Гильдии молодых фотографов. Организатор лекций, семинаров, ивентов...

Отключиться было нельзя, потому что лояльность Андрея Палыча было легко потерять, а с нею и возможности, и поддержку. «Десять утра, а меня уже задолбали! Только не ты, ну почему сейчас?!» — успел подумать Свят. Его на манер нападающего в регби бортанула могучая бабка. Чихуахуа из ее подмышки испепелила Свята взглядом боярыни Морозовой.

Он поскользнулся, еле устоял и услышал бодрый голос:

— Святослав, дорогой, это я, Андрей Палыч.

— Слушаю вас, Андрей Палыч!

У Свята была робкая надежда, что, различив уличный шум, собеседник быстро с ним рас прощается.

— Много времени не отниму. Смотрите, Святослав: у нас на следующую пятницу запланированы мероприятия по Гильдии. В расписании мы ставим вас часов на девятнадцать-двадцать: выступите по части своей фотографии.

«Так, а что, если я уже буду в Сибири?..»

— Походные фото?

— В том числе, да.

— Нужно потолковать о технике съемки, лайфхаки, вот это все?

— Да, именно вот это все! Ну еще нам, к сожалению, нужно провентилировать политические моменты. Давно пора расставить точки над «и», чтобы мало ли чего не случилось... Святослав, публичные сессии Гильдии фотографов будут на камеру. Про нас будут сюжеты делать и для питерского канала, и «Фонтанка» обещала приехать. География наших поездок, сами понимаете, в условиях санкций и такой международной обстановки как бы сужается. Вы понимаете мое «как бы»?

— Не совсем, Андрей Палыч.

Свят почти добежал до станции «Озерки», оставилось перейти проспект. Светофор был долгий.

Под ногами чавкала жижа из химикатов, грязи и перетоптанного снега. Ночью она снова застынет, и вечерние вывески своим неоном магически превратят эту наледь с грязью в подобие чароита — полированные шкатулки из него, подходящие для хранения колдовских склянок, Свят присмотрел в пермском аэропорту.

— Святослав, мы будем выступать под лозунгом: мол, хоть санкции нас и ограничивают, да только страна наша безгранична. Государства разные стали недружелюбны, ну вы знаете список. Но мы сами, Россия, сами себе словно несколько государств на огромной земле. Мы — русский космос, мы — сила! Понимаете?

— Это несложно, — сыронизировал Свят.

— А сложности нам и ни к чему. Примером безграничности как раз послужат ваши экспликации. Мы хотим выставить ваши съемки еще из две тыщи восемнадцатого и девятнадцатого года. Самые разные уголки страны! Красную Поляну можно... и как вы в Уссурийске были зимой на китайском рынке, там

богатый национальный срез получается. И еще уссурийскую здоровенную тарелку в чистом поле — как ее?

— РТ-70, — вспомнил Свят. — Семьдесят — диаметр зеркала...

Он только две такие штуки в жизни видел. Могучие парabolicкие антенны: в Калязине и в Уссурийске. Уже для себя, не для выставки, фотографировал он втихую и обслуживающий персонал радиотелескопа. В туалет что мужчины, что женщины ходили в чистое поле в любое время года, бытовые условия так себе, но что поделать — космические исследования требуют служения и силы духа...

— Да-да, — бормотал куратор дальше, — что-то из пермской православной скульптуры, что-то из липецких кузнецких поделок. А Спасский собор в Пензе? Там у вас девушки в косынках, дети в санках, какие-то отсылки к Лермонтову — ну блестящие ведь фото!

— Спасибо, Андрей Палыч.

— Помимо вас будет и весь прочий молодежный цвет, но вот в чем дело. Слово вступительное я бы хотел доверить именно вам, потому что: а) вы самый молодой в Гильдии молодых, хе-хе, б) у вас отлично получается вешать на публику, в) мы рассчитываем, что вы сможете высказаться патриотично и здраво насчет осваивания молодым поколением фотографов своей Родины. Понимаете?

— В смысле, э-э, — Свят поднатужил свой мысленный кор, актуализируя речевые шаблоны, — надо сказать: «Ура, не было бы счастья, да несчастье помогло! Наши края всецело попадут под наши объективы, обратимся вглубь и ширь Родины. Ведь мы теперь не можем отвлекаться на заморскую диковинку». Так?

— Да! Уже хорошо, Святослав, замечательно! И здесь не помешало бы говорить глобально... Нужно затронуть, что в этих тяжелых обстоятельствах, когда весь мир против нас, мы даже не обращаем на эти тяготы своего внимания.

— Почему не обращаем? — не понял Свят.

Вчера он как раз ломал голову над тем, как ему выбраться в Скандинавию, пока действительна виза. И сколько теперь с таким курсом рубля ему надо откладывать.

Учитывая, что он разоряется на это клятое озеро Виви.

— Потому что у нас все есть, — делано удивился Андрей Палыч и даже дрогнул голосом, будто Свят его начинал обижать своей недогадливостью. — Вместо гранд-каньонов американских у нас, знаете, дагестанские каньоны. Вместо Финки — Карелия, вместо Аляски — Камчатка. Сибирские просторы не хуже канадских, и степи есть, и средняя полоса, и Арктика. Знаете, что Еврейский автономный округ площадью как два Израиля? Таймыр может Британию собой как тазом накрыть! А Коми — целая Франция, только вместо беф бургиньона у них там оленина, ха-ха! Мы — это целый мир, Святослав. И именно вам как передовику нашей Гильдии следует об этом заявить. Вас в пример молодежи поставят...

— Андрей Палыч. — Свят собрался с мыслями и даже отошел от пешеходного перехода, встал у ларька с кофейком-фикс за девяносто рублей. — Меня пригласили в Гильдию, чтоб делиться опытом, учиться и развиваться у мастеров. У Борисова вот потрясающий курс, у Антоновой... Антонова вообще лучшую художку делает, она гений. Я с радостью сам отвел даже два семинара, громко сказано, конечно...

— Вы самый молодой наставник у нас были! — подтвердил Андрей Палыч.

— Просто понимаете... Я могу давать уроки «Фотошоп» и «Лайттрум», про экспозицию, там, рассуждать, композицию и все такое... Но я не пропагандист, и упаси боже на камеру еще вещать, мол, теперь-то заживем.

Тут возникла тяжелая пауза.

Каждый из них вложил в нее немало своих предчувствий.

— Ну вы же можете сказать по настроению, — напряженно произнес Андрей Палыч, — что по настроению мы должны быть все вместе в такой момент? Скоро год, как компании уходят, бренды, уезжают люди, молодых теряем... — Свят

поморщился: этот старпер сказал «бренды» с той же козлиной назальной «е», как говорят старики слово «се-екс». — У нас из Гильдии ушли Алексенко и Карпович, потому что мы запретили им... э-э... ушли громко и открыто... И хотелось бы теперь заключение по ним озвучить: что мы — не с ними.

«Вы им запретили высказываться за мир во всем мире. И еретические коллажи с символикой мутить», — подумал Свят.

Эти двое делали серию миролюбивых постов. В сообществе они говорили о том, что око за око — это ветхозаветная логика. Что бьешь по врагу, а попадаешь в мирняк, или враг, отвечая тебе, попадет в мирняк. Что кровь льется, а надо ее просто не лить — цепь эту разорвать и бежать войны всячески — на своей-то земле сколько бедности и неурядиц. Мы же фотографы, мы зеркало. Мы покажем то, что видим...

И стало, конечно, хуже.

Свят слышал, что Алексенко и Карпович смотались в Белград в первую очередь из-за Гильдии.

Наговорить на статью легко. Можно ли на статью намолчать? Святу-то что делать?..

Во всяком случае слабину давать не следует. И потом, он ведь даже с отцом не обсуждал «международную ситуацию». Один раз только в феврале в Тюмень позвонил, спросил: «Бать, ты с президентом согласен?» Батя ответил: «Сын, я на него могу повлиять так же, как на погоду. Ты когда-нибудь в Питере с погодой соглашался? Она есть, и все тут. Делом займись лучше».

Что Свят толкового проговорит на публике? Почему вообще его принуждают высказывать свои взгляды? Что там было в Конституции на этот счет?..

— Понимаете, Андрей Палыч, я с вами как бы стыкуююсь по части фотографии. И в Гильдии фотографов я занимаюсь всем в районе фотографии. Я вам очень признателен. Я, правда, отдаю немало, но и получаю больше. Так?.. — Свят понял, что отчасти перенимает от Андрея Палыча особенности речи. — У меня просто нет стремления указывать людям, утверждать

настроения, обращаться к истории. Типа в истории наши лучшие соотечественники делали так, значит, и я должен делать так... — «Не туда, Свят, ох не туда!» — Э-э... возглавить и направить — это точно не про меня...

— Вы у нас самый амбициозный молодой фотограф. Мы вас тогда в статье именно так и превозносили... — попробовал его перебить Андрей Палыч.

— Подождите, пожалуйста. Я все же не могу обличать людей и взвывать к людям. Я — фотограф, Андрей Палыч. Пока весьма посредственный, но я только на языке фото с людьми хочу говорить. И на свое счастье, я, как ни стараюсь, отвратительно снимаю репортажку. Иначе уже выложил бы достойные кадры митингующих и пикетчиков. Ведь именно в этом свобода молодых! Вы сами так сказали: показывать то, что видишь и чувствуешь.

— Вот это вы зря, — совсем другим тоном произнес Андрей Палыч.

— И фотосерию про «влюбленных питерцев» я, знаете, сильно обрезал...

Свят понял, что сейчас рвет членский билет перед носом куратора.

В той фотосерии, максимально неудачной с точки зрения ремесла, которую позже зло и великолепно высмеял великий фотограф с Василеостровской Александр Петросян, немало было однополых* влюбленных Петербурга и пикантных намеков, случайных касаний, забавных отражений. Там были китч, и кэмп, и такие славные братания пьяной десантуры в фонтанном августе, и фанатские оргиастические упоения на концертах Билана и Нюши — потные лица в экстазе прожекторов, в просветах черной кожи... И даже размазанный панк с парой розовых сосисок в кармане косухи, торчат они двоеперстием на груди... панк этот в обнимку с фонарным столбом, столб

* Деятельность международного общественного движения ЛГБТ признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru